

Даже если родители Гу Сюня и смотрели на него свысока, на свадьбе они всё равно сияли улыбками.

Однако после церемонии они ни разу не упомянули Луань Цзысяо. Даже во время праздников или семейных встреч приглашали только Гу Сюня.

Хотя Луань Цзысяо и Гу Сюнь официально зарегистрировали брак, сыграли свадьбу и жили под одной крышей, их отношения больше походили на дружеские, чем на супружеские.

Они лишь изредка ужинали вместе и проводили цикл, но большего взаимодействия между ними не было. Луань Цзысяо даже спал в гостевой комнате.

Гу Сюнь никогда не поднимал эти темы.

Разочарование было неизбежным, но Луань Цзысяо знал, что, будучи тем, кто сам навязался Гу Сюню, не имел права проявлять свои чувства.

Перед окончанием рабочего дня Луань Цзысяо получил сообщение от Гу Сюня: вечером будет светский приём, и он не вернётся на ужин.

Луань Цзысяо хотел написать Гу Сюню, что сегодня у него день рождения, но в итоге отправил только одно сообщение:

[Хорошо]

С тех пор как умер его отец, единственным, кто помнил и праздновал с ним этот день, оставался Тан Ихэ.

На этот раз Тан Ихэ тоже не было рядом, и ему пришлось праздновать в одиночестве.

На самом деле отмечать день рождения одному — не такая уж беда.

Ему больно было оттого, что человека, который подарил ему жизнь, больше не было рядом. И больше не осталось никого, кто бы искренне заботился о нём и ценил его.

Он любил Гу Сюня, и Гу Сюнь пошёл ему навстречу, но он всё равно оставался один.

После работы он взял маленький торт, который испёк своими руками, купил небольшой букет белых хризантем и почти два часа ехал на автобусе до отдалённого кладбища в пригороде.

Его отца похоронили на этом самом удалённом от города кладбище. Причина выбора была простая: дешёвизна.

Среди тысяч выставленных надгробий он без труда нашёл знакомое имя.

— Папа, я пришёл навестить тебя.

Он положил цветы и торт перед надгробием и сел на землю. Достал из сумки свидетельство о браке и, развернув его, показал могиле:

— Я женился. Его зовут Гу Сюнь, он очень хороший и сильный альфа. Но у него есть один недостаток... он меня не любит.

Он горько усмехнулся, бережно убрал свидетельство обратно в сумку и, глядя на чёрно-белую

фотографию на камне, почувствовал горечь в сердце.

— Если бы ты был жив, как было бы хорошо. Он протянул руку и кончиками пальцев провёл по контурам фотографии. — Если бы ты был жив, мне не пришлось бы терпеть столько обид. Я бы не встретил его, не полюбил бы, и сейчас мне не было бы так больно.

Чёрная ночь беззвучно накрыла небо, и по бокам аллеи кладбища загорелись оранжевые фонари.

Обычно такой свет казался уютным, но в этом мёртвом, безжизненном месте он вызывал лишь жуткую тревогу.

Луань Цзысяо, прислонившийся к надгробию и долго что-то бормотавший, казалось, совершенно оторвался от реальности.

Ему было слишком одиноко. Не с кем было поговорить, не на кого опереться.

Единственным слушателем остался его отец, навсегда уснувший под могильной плитой.

Внезапно раздался звонок. Он порылся в сумке, достал телефон и нажал кнопку принятия вызова.

— Где ты? — в трубке прозвучал голос Гу Сюня. Казалось, он спешил и волновался.

— На улице, — он схватил сумку и поднялся. — Я скоро вернусь.

Гу Сюнь тут же спросил:

— Где именно? Я заеду за тобой.

— Не надо, я поеду на автобусе, — в его голосе прозвучала обида.

Он ускорил шаг, выбираясь с кладбища. За воротами открылась пустынная тёмная площадь, а посередине её, между площадью и невысоким холмом, пролегала чёрная лента шоссе.

До ближайшей автобусной остановки нужно было идти минут десять. Фонари на тротуаре, своевременно не подстриженные ветвями деревьев, едва пробивались сквозь листву, и вокруг было темно и зыбко.

На сердце нехорошо, он шёл всё быстрее и в конце концов побежал.

— Где ты? — Гу Сюнь, казалось, разозлился. Это было странно: обычно он вообще не интересовался его делами.

— На остановке «Кладбище Южного кольца».

Едва он это произнёс, Гу Сюнь отключился.

Он сжал мобильный крепче и побежал по тротуару. Свернув за угол, он увидел вдали освещённую остановку.

Взбегая на пешеходный мост, он слишком спешил и нечаянно столкнулся с тремя бета, от которых сильно пахло алкоголем.

Эти бета жили в жилом районе у предыдущей остановки и были местными хулиганами. Сегодня они напились и пришли на кладбище поискать приключений, вот и столкнулись с Луань Цзысяо.

— Чёрт, ты что, на глаза не смотришь?! — один из бета тут же выругался.

— Простите, — неважно, кто прав, нужно было извиниться и побыстрее ретироваться. С этими хулиганами лучше было не связываться.

— О-го! — другой бета указал на него, словно обнаружил нечто невероятное. — Нас тут омега угораздило встретить! Это что, призрак-соблазнитель какой-то?!

Сердце Луань Цзысяо забилося часто, страх сковал грудь. Он хотел обойти их и скорее уйти, но успел сделать лишь пару шагов, как его схватили за руку и рывком вернули обратно.

— Какой мягкий, рука как вата. Приятно, ему-то приятно, как подходит омеге. — Рука, сжимавшая его предплечье, намеренно погладила и помяла кожу.

Ему стало дурно. Он рванулся, вырвался и побежал, но не успел сделать и нескольких шагов, как его снова схватили. Трое окружили его плотным кольцом.

— Куда бежишь, красавец? Встретиться ночью в таком месте — это судьба. Давай повеселимся вместе.

— Вы не смейте!

— Да чего мы такого смелого? — один из бета провёл рукой по его шее, скверно ухмыляясь. — Мы будем по очереди, один за другим. А если ты осилишь, то и все вместе можем.

— На помощь! Ммм...

Трое бета действовали слаженно: зажали ему рот и потащили в тёмные заросли под мост.

Он яростно сопротивлялся, но от природы слабый омега не мог вырваться из рук трёх здоровых мужиков с недобрыми намерениями.

Когда его уже тащили в чашу, он взглянул в сторону автобусной остановки, где вдали виднелись силуэты людей, и отчаяние, смешанное с чувством несправедливости, сжало сердце.

За что? Почему?

Если бы он прошёл по мосту и поднялся ещё немного, он мог бы сесть на автобус и вернуться к Гу Сюню.

Почему?

Почему именно ему выпала такая участь?

Ночные заросли скрывали в себе бесконечную тьму, а вокруг стояли жуткие исковерканные деревья, словно лесные демоны.

Луань Цзысяо был как ягнёнок, предназначенный для заклания. Ему скрутили руки и ноги, зажали рот.

Ни его испуганные слёзы, ни отчаянные попытки вырваться не вызвали у насильников ни капли жалости.

Они грубо разорвали на нём верхнюю одежду. Он потерял счёт рукам, что мяли и щипали его тело, вызывая омерзение и боль.

Он был помеченным омегой. Любое прикосновение другого, кроме Гу Сюня, причиняло ему невыносимую боль.

Один из насильников схватил его за лодыжку и рывком поднял ногу, собираясь стянуть штаны. Луань Цзысяо собрал все силы и ударил его ногой.

Нападающий отшатнулся, отступил на пару шагов и наступил на что-то живое в траве. Раздался душераздирающий вопль.

В ту же секунду он увидел чёрную тень, которая метнулась на насильника, начала царапать и кусать его. Тень издавала угрожающее рычание.

Это была кошка!

— Ааа! Лицо! Моё лицо!

Нападавший, на которого напала кошка, закричал и, закрывая лицо руками, неся прочь из зарослей, ничего не видя перед собой. Всё произошло мгновенно. Двое других, перепуганные, рефлекторно отпустили Луань Цзысяо и хотели было бежать.

Но прямо перед ними, в темноте, сидела кошка. Её зелёные глаза горели, она смотрела на них напряжённо и угрожающе урчала.

В тёмных жутких зарослях возле кладбища быть окружённым кошкой, которая на тебя смотрит... Это было слишком неестественно.

Оставшиеся двое насильников трусили, хмель как рукой сняло. Они схватили всё, что попадалось под руку для самообороны, переглянулись и с криком бросились на кошку, разя её чем попало.

Кошка, готовая к атаке, ловко уклонилась, издала громкий вой и, подобно молнии, начала метаться между ними, кусая и царапая.

Всего через пару минут двое нападавших были покусаны в кровь и обратились в бегство.

Луань Цзысяо в панике пытался встать, но тут кошка прыгнула на него и уставилась на него свирепым взглядом.

Сквозь рваную ткань одежды он чувствовал острые когти, впившиеся в кожу. Ей стоило лишь чуть сильнее надавить, и плоть разорвалась бы.

— Мяу... Мяу...

В этот момент из тех самых зарослей, куда наступил насильник, раздался писк котёнка.

Кошка, сидевшая на Луань Цзысяо, услышав этот звук, тут же спрыгнула на землю и скрылась в траве.

Писк котёнка, похожий на плач ребёнка, в тишине ночных зарослей звучал зловеще.

Он нашёл свою сумку, дрожащими руками вытащил телефон, но экран был разбит, телефон не включался.

<http://bllate.org/book/16854/1551604>